

Опубликованные материалы существенно расширяют источниковую базу исследований по средневековой истории Нижегородского уезда. Подобное комплексное издание с неизбежностью приведёт к всплеску интересных исследований, касающихся вопросов социально-экономического развития региона, вопросов специфики восстановления демографических показателей в связи с кризисными явлениями конца XVI – начала XVII в. Издание может способствовать активизации популярных в последние годы просопографических исследований, а также сравнительному анализу развития региона на фоне общероссийских показателей.

Примечания

¹ Балахнинский уезд в XVII веке. Документы приказного делопроизводства: Сборник документов / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород, 2005; Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства): Сборник документов / Сост. Б.М. Пудалов. Н. Новгород, 2009; Родной земли седая старина: Территория Спасского района Нижегородской области в XVII веке: Документы и исторический очерк / Сост. С.М. Ледров. Н. Новгород, 2013; Село Богородское в XVII веке. Документы и историчес-

кий очерк / Сост. В.Н. Беляева, С.М. Ледров. Н. Новгород, 2014.

² См.: Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии. Т. 5. Отд. 3. Н. Новгород, 1903. С. 17–34; Т. 6. Отд. 3. Н. Новгород, 1905. С. 128–189; Т. 7. Отд. 3. Н. Новгород, 1905. С. 618–641.

³ *Варенцова Л.Ю., Филатов Н.Ф.* Борское лесное Заволжье в XVII веке: Очерки истории. Документы. Н. Новгород, 2001. С. 153–160; Нижегородский край. Хрестоматия (История в документах с древнейших времён до 1917 года / Сост. Н.Ф. Филатов. Н. Новгород, 2001. С. 54–58; Родной земли седая старина... С. 20–33; Село Богородское... С. 7–12.

⁴ *Филатов Н.Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: К проблеме торгово-промышленного развития России и формирования всероссийского рынка. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988; *Давыдова А.А.* Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2005; *Филатова В.Н.* Торгово-промышленное село XVII века: социально-экономический и демографический облик (на примере сёл Павлово и Лысково Нижегородского уезда). Дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2009.

⁵ См.: *Скобелкин О.В.* Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 212–216.

Александр Орлов

Рец. на: Л.В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Чучково поле, 2012. 392 с., ил.

Alexander Orlov

(Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russia)

Rec. ad op.: L.V. Mel'nikova. Russian Orthodox Church and the Crimean war, 1853–1856. Moscow, 2012

Деятельность Русской Православной Церкви и вообще религиозная составляющая предьстории и истории Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. были по понятным причинам слабо освещены в советской историографии. Значительный вклад в заполнение существовавшей

лакуны вносит монография кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Л.В. Мельниковой.

Целью своей работы автор определила комплексное исследование роли Русской Церкви в борьбе России с Османской

империей, Великобританией, Францией и Сардинией в период Крымской войны в духовно-идеологическом и военном отношениях. В соответствии с этим в монографии рассматриваются следующие вопросы: 1) сущность и значение дипломатического конфликта вокруг святых мест Палестины; 2) официальная позиция русских православных и французских католических иерархов по отношению к начавшейся войне; 3) роль военного и морского духовенства в армии и на флоте; 4) оборона Соловецкого монастыря; 5) участие военного и приходского духовенства в героической защите Севастополя; 6) деятельность Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых; 7) меры, предпринятые Церковью в связи с созывом народного ополчения; 8) попечение о судьбе российских военнопленных со стороны настоятелей русских посольских церквей в Париже и Лондоне. Внимание Л.В. Мельниковой направлено и на то, чтобы «показать неразрывную связь между религиозно-цивилизационным противостоянием, каковым, безусловно, была Восточная война, и последовавшим вслед за её окончанием... усилением русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке» (с. 11).

Поставленные цель и задачи реализованы автором на основе изучения комплекса архивных (исследован 21 фонд из 7 архивов) и опубликованных документов, а также значительного числа научных работ отечественных историков. Как справедливо указывает Л.В. Мельникова, «несмотря на обилие трудов, многие аспекты темы изучены пока недостаточно» (с. 6): дореволюционная историография не успела создать крупных обобщающих работ об участии Церкви в Крымской войне; для советской историографии характерны три основные черты – чрезмерное подчёркивание агрессивности политики царской России, общий «пораженческий» взгляд на ход и итоги кампании, а также «абсолютное игнорирование православной составляющей этого глобального противостояния» (с. 8). В контексте «настойчивого желания современных исследователей переосмыслить события и итоги Крымской войны» тем более убедительным выглядит тезис автора о назревшей необходимости

«всестороннего и объективного освещения» также духовной и конфессиональной подоплёки этого общеевропейского конфликта (с. 11).

В первой главе «Святые места в центре Восточного вопроса. Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны» (с. 16–39) автор подвергает критике ставший традиционным тезис отечественной и зарубежной историографии о том, что разногласия России и Франции относительно статуса православного и католического духовенства в Святой Земле были будто бы только поводом к войне, а Николай I и Наполеон III использовали этот повод для реализации иных, собственно внешнеполитических планов. При этом, как правило, забывается, что в христианской тогда ещё Европе межконфессиональные, политические и культурные противоречия были неотделимы друг от друга. Л.В. Мельникова пишет: «Конечно, Крымская война была вызвана целым комплексом противоречий, существовавших в то время между Россией, Францией, Великобританией и другими державами. Но при этом одной из главных причин, породивших войну, было справедливое желание императора Николая I воспротивиться попытке западной (прежде всего французской) дипломатии вытеснить Россию из сферы влияния на Ближнем Востоке. Российская империя, традиционно опиравшаяся в этом важном для неё регионе на позицию защитника православных интересов и связанная системой обязательств, данных христианам Османской империи, не могла отстраниться от участия в дипломатической дуэли вокруг святых мест, закончившейся кровавой развязкой» (с. 17). Автор обоснованно подчёркивает, что «среди огромного множества причин, породивших войну, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов и духовного, церковно-политического аспекта» (с. 25–26).

При понятном стремлении исследовательницы глубже изучить вопрос в интересующем её ключе невозможно отвлечься от огромного фонового комплекса экономических и геополитических проблем. В 1840-х – начале 1850-х гг. Ближний Восток стал ареной жизненно важных интересов трёх великих европей-

ских держав: Великобритании, России и Франции. Великобритания, естественно, стремилась надёжнее защитить пути коммуникаций с Индией и усилить свои позиции в регионе за счёт всестороннего ослабления влияния России. России необходимо было обеспечить безопасность южных и юго-восточных границ империи, не допустив неуправляемого развала турецких владений, что привело бы к анархии и постоянным войнам. Именно этим было вызвано предложение Николая I о разделе наследства «большого человека Европы» (Османской империи), которое он сделал в 1844 г. Великобритании. Франция, озабоченная созданием собственной колониальной империи, стремилась вытеснить с Ближнего Востока Великобританию, и сделать это можно было только с помощью России. Наполеон III в начале 1853 г. через российского посланника в Париже Н.Д. Киселёва обратился к Николаю I с просьбой о немедленном заключении союзного договора, угрожая в ином случае сделать подобное предложение Лондону. «Я ему (Николаю I. – А.О.) предлагаю честно и откровенно союз сердца и политики (*une alliance de coeur et de politique*), мир тогда наш. Англии не будет; но для этого мне нужно, чтоб этот союз был на жизнь и смерть; я желаю, чтобы он по-братски протянул мне руку, и тогда судьбы вселенной могут быть ины; но если я не найду союза с ним, а мне необходим союз, я кинусь в объятия Англии, с стеснённым сердцем, но по его вине», – говорил Наполеон III Киселёву¹. Естественно, Николай I ответил на это предложение отказом, и французский император исполнил свою угрозу. Однако сразу после окончания Крымской войны и заключения Парижского мирного договора 1856 г. франко-русские отношения снова начали улучшаться. В этот сложный политический контекст органично вплетены впервые выделяемые и исследуемые Л.В. Мельниковой церковно-дипломатические противоречия.

В следующих главах монографии представлен богатый фактический материал о деятельности иерархов Русской Православной Церкви и простых клириков из числа белого и чёрного духовенства, а также сестёр Крестовоздвижен-

ской общины попечения о раненых в годы Крымской войны. «Помимо направленной на укрепление морального духа армии и народа церковной проповеди, в которой давалось духовно-нравственное истолкование причин, целей и смысла войны, духовенство, наряду с другими сословиями, собирало деньги на военные нужды, работало в госпиталях. Военное и морское духовенство вместе с регулярной армией и флотом принимало участие в военных действиях, при этом не только исполняло свои прямые обязанности... но также во время сражений подавало своей пастве примеры героизма и самоотверженности. Некоторые священнослужители епархиального ведомства, находившиеся на территории, охваченной военными действиями... приняли непосредственное участие в отражении неприятеля (наиболее яркий пример – оборона Соловецкого монастыря 6–7 июля 1854 г. от нападения английской эскадры). Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне (протоиереи И.В. Васильев и Е.И. Попов. – А.О.), оставаясь во время войны в странах-противниках, оказывали духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным», – пишет автор (с. 238).

Окончательный вывод исследовательницы вполне обоснован: «Русская Православная Церковь в годы Крымской войны, как и всегда во времена военного лихолетья, оказалась на высоте своего служения, разделив со страной все тяготы и лишения» (там же). Этот тезис не противоречит отмечаемому историками факту частичного падения авторитета Церкви в связи с неудачами поддерживавшейся ею государственной политики. Другое дело, что проигранная Крымская война, как и вся в конечном итоге оказавшаяся бесперспективной политика Николая I, безоговорочно (иначе и быть не могло!) поддерживаемая Церковью, повлияли на доверие к последней в известных кругах интеллигенции².

В книге Л.В. Мельниковой есть отдельные упоминания об антиклерикализме выдающегося хирурга Н.И. Пирогова (с. 152–153, 157–158), о видных представителях русской аристократии таких, как кн. И.С. Гагарин, И.М. Муравьёв, Е.П. Ба-

лабин и др., принявших католицизм и живших в Париже (с. 232), но эта тема осталась вне рамок исследования. Конечно, буржуазные реформы Александра II, особенно ликвидация крепостного права в 1861 г. и приток массы освобождённых крестьян в города, с одной стороны, породили апатию по отношению к религии у городских рабочих, с другой – разрушили традиционный мир крестьянской общины с её важнейшей религиозной константой. Однако считать это результатом сдачи Севастополя, разумеется, нельзя. Более того, как пишет Л.В. Мельникова, «воспринимаемый современниками священный характер Восточной войны, а также деятельность православного духовенства, придали войне особый колорит и, несмотря на тяжёлые для России условия Парижского мира, создали тот потенциал нравственного превосходства, который вскоре позволил России осуществить мощный духовный и политический прорыв в Иерусалиме и на Ближнем Востоке» (с. 240).

Что касается последнего тезиса, автор могла бы указать и иные точки зрения на этот вопрос, в частности, процитировать английского историка А. Тэйлора, специально изучавшего причины и последствия Крымской войны: «Русская политика после Парижского конгресса характеризовалась единством цели, отсутствовавшим в политике других держав: она была направлена на пересмотр Парижского договора и исключала всё остальное... Своё будущее Россия как империя могла найти в Азии; на Чёрном море она должна была обеспечить только оборону. Балканы были жалкой добычей по сравнению с той, какую можно было захватить в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Но этого не могли понять царь и сановники, пережившие унижение вследствие потери территории и принудительной нейтрализации Чёрно-

го моря. На протяжении жизни целого поколения русская дипломатия направляла свои усилия на ложную цель»³. Однако, подобные дискуссионные оценки историков выходят за границы темы рецензируемой монографии и потребовали бы более пространного разбора. Между тем, выбранный Л.В. Мельниковой аспект связан именно с борьбой великих держав за преобладающее влияние в религиозном центре христианского мира – в Иерусалиме, а Иерусалима нет ни в Средней Азии, ни в Индии, ни на Дальнем Востоке. Именно эта смысловая и историческая значимость проблемы святых мест определила, по мнению автора, духовную заострённость Восточной войны и, соответственно, избранный ракурс монографии.

Скажу в заключение, что книга Л.В. Мельниковой – знаменательное явление сегодняшнего этапа развития исторической науки, когда в России вновь пробуждается интерес к истории Русской Православной Церкви в разные эпохи её существования, а роль самой Церкви в государстве и обществе заметно усиливается.

Примечания

¹ Цит. по: Из памятных заметок В.Д. Давыдова // Русский архив. 1871. № 4–5. Стб. 0961. Давыдов передаёт свой разговор с кн. С.Г. Голицыным, состоявшийся 17 июня 1856 г., которому это рассказал сам Киселёв.

² Об этом см., например: *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. М.; Минск, 2001. С. 41, 180.

³ *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М., 1958. С. 128. Эта идея получила развитие и в современной российской историографии. См., например: *Хевролина В.М.* Российская дипломатия в рамках Крымской системы // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 108.